

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-511-524

EDN: YGSXIH

Фронтное добровольчество как новая форма историчности: анализ локальных практик в логике А. Турена*

М.А. Подлесная

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Б. Андроньевская ул., 5, стр. 1, Москва, 109544, Россия

(e-mail: yamap@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу локальных практик добровольчества на исторических территориях России в условиях специальной военной операции (СВО). Вопреки институциональным интерпретациям добровольчества как инструмента государственной политики или социального капитала исследование применяет активистский подход А. Турена, рассматривая добровольчество как форму новых социальных движений, где участники обретают гражданскую субъектность и историчность через триаду: идентичность («кто мы»), противник («против чего или за что боремся») и объект конфликта («что меняем»). Добровольчество предстает не реакцией на кризис, а активным конструированием автономии актора в «программируемом обществе», где СВО возвращает «лишнего человека» к статусу исторического субъекта, способного определять смыслы жизни через практики солидарности, риска и взаимоподдержки. Основной исследовательский вопрос: в какой мере и какими средствами региональные/городские добровольческие группы формируют автономную субъектность в условиях СВО, особенно в прифронтовых зонах (Северодонецк, Донецк, Курск, Белгород, Славутск и др.). В исследовании применена методная триангуляция: 21 глубинное интервью с координаторами направлений, кураторами групп и добровольцами, трехлетнее невовлеченное наблюдение за несколькими добровольческими организациями регионального/местного уровня, включенное наблюдение — участие в миссии РПЦ в Северодонецке (октябрь 2025). Согласно полученным данным, идентичность добровольцев конструируется в формате «мы/свои» против внутренних оппонентов (россиян, игнорирующих СВО), с дистанцированием от «программных идеологов» государства; в отношении противника прослеживается системное отчуждение (атомарность в обществе, равнодушие части россиян), а объект конфликта описывается как восстановление «формы историчности» через солидарность. СВО катализирует трансформацию: успешная молодежь и менеджеры из мегаполисов обретают подлинность, выходя из имитации к телесному опыту риска и человечности, преодолевая ценностный вакуум «культуры шума». Практики солидаризации усиливают историчность: 7 из 10 рассмотренных кейсов — постоянное возвращение в места добровольческого служения, мифологизация героев среди фронтных добровольцев, возникновение сетей (браки, переписки), региональная специфика «типичного» добровольца (конкретные личные и профессиональные качества).

*© Подлесная М.А., 2026

Статья поступила в редакцию 16.12.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Ключевые слова: добровольчество; специальная военная операция (СВО); А. Турен; субъектность; новые социальные движения; прифронтовые территории; солидарность

Для цитирования: Подлесная М.А. Фронтное добровольчество как новая форма историчности: анализ локальных практик в логике А. Турена // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 511–524. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-511-524> EDN: YGSXIH

С социальной точки зрения добровольчество принципиально важно как показатель наличия гражданского общества и гражданской инициативы, а также для сохранения в обществе здорового нравственного чувства, при котором альтруизм и помощь ближнему остаются для части граждан устойчивой жизненной позицией и источником солидаризации [6]. О последнем свидетельствует как активность добровольцев во время пандемии, причем не только профилирующих категорий (например, студентов-медиков и медицинских работников), но и «серебряных волонтеров» [3] (пожилых людей, которые по возрасту сами могли нуждаться в помощи), так и многочисленная «народная» самоорганизация, проявившаяся в ходе специальной военной операции (СВО) на Украине. Вопреки ожиданиям институциональной социологии, где добровольчество (чаще используется термин волонтерство) трактуется преимущественно как инструмент государственной политики или социального капитала [10], активистский подход А. Турена позволяет увидеть в добровольчестве проявление субъектности, способной конкурировать с официальными нарративами солидарности.

Социологические опросы подтверждают рост добровольчества в ходе СВО: по данным ВЦИОМ, доля волонтеров выросла с 27 % (2023) до 36 % (2025), с акцентом на помощь СВО (36 %) (1); по данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, в 2024 году помощь военнослужащим на СВО оказали 17 % опрошенных, в 2023 году — 18 %, в 2022 — 9 % (2). Исследования Института социологии ФНИСЦ РАН (2022–2024) подчеркивают альтруистическую и социальную мотивацию волонтеров в чрезвычайных ситуациях [2]. Объединяет эти исследования фокус на массовых опросах и федеральных платформах, без учета локальных практик. Вместе с тем возможно изучение добровольчества, сосредоточенное на социально-психологических мотивах [12; 13], включая их эмпатико-альтруистическую природу [11], или на сугубо прагматических задачах, например факторах удовлетворенности, способствующих развитию волонтерства [4]. Однако без внимания остаются социальные практики конструирования гражданского субъекта на локальном уровне, особенно в регионах с высокой военно-политической напряженностью и неопределенностью статуса (например, присоединенные в ходе СВО территории обозначаются в медийном дискурсе то как новые, то как исторические).

В отличие от эпизодического волонтерства в мирное время (например, «серебряные волонтеры» или студенческие акции, часто мотивированные внешними факторами), прифронтовое добровольчество предполагает погружение в риск и обретение субъектности через телесный опыт. Это не обесценивает другие формы волонтерства как гражданской активности, но подчеркивает специфику конфликтного контекста по Турену. Основной исследовательский вопрос статьи — в какой мере и какими практическими средствами добровольческие/волонтерские группы на локальном уровне (региональные/городские) конструируют субъектность в условиях СВО в логике «социологии действия» Турена, и каковы региональные вариации этих практик на исторических территориях России, включая зоны повышенного риска (прифронтовые города).

Теоретической базой исследования выступает активистский подход А. Турена, в котором он развивает «социологию действия» (actionnalisme), противопоставляя ее структурно-функционалистским моделям и фокусируясь на историческом субъекте, способном через коллективные действия вмешиваться в социальное развитие общества [16; 8]. В этой перспективе добровольцы и добровольческие группы рассматриваются не как производная от структурных условий, а как акторы, конструирующие новые формы солидарности и гражданской субъектности. Для анализа важны не столько декларируемые установки, сколько практики действия, через которые добровольцы присваивают себе статус субъекта, а также конфликтные и амбивалентные измерения этой субъектности (напряжение между «помощью своим» и дистанцированием от политики, между локальной лояльностью и общегосударственным дискурсом).

Методологически исследование имеет качественный дизайн, позволяющий реконструировать субъективную и практическую сторону добровольчества. Во-первых, были проведены полуструктурированные интервью (21) с координаторами направлений, кураторами групп, добровольцами местного, а не федерального уровня. Такой выбор информантов обусловлен задачей выявить, каким образом «снизу» конструируются формы участия, распределяются роли, выстраиваются отношения с местными властями, бизнесом, военными и другими акторами. В интервью акцент делался на биографических траекториях, мотивации, способах организации повседневной работы, опыте конфликтов и переговорах о границах «допустимого» активизма. Во-вторых, использовалось длительное невключенное наблюдение (в течение трех лет) за деятельностью нескольких волонтерских организаций, организованных как частными лицами, так и в рамках действующих институций (например религиозных). Этот метод позволил отслеживать эволюцию практик, смену форматов участия, появление и исчезновение инициативных групп, а также увидеть, как декларируемые ценности (патриотизм, помощь «своим», христианское милосердие и др.) превращаются в устойчивые организационные

практики или, наоборот, наталкиваются на сопротивление и выгорание. В терминологии Турена наблюдение было направлено на фиксацию «работы актора» — как участники задают смыслы своим действиям и пересобирают социальное пространство вокруг себя. В-третьих, применялось включенное наблюдение в качестве участника добровольческой гуманитарной миссии Русской православной церкви в прифронтовом городе Северодонецке (октябрь 2025 года). Этот опыт помог увидеть, как формируются временные команды, как распределяется ответственность, как проживаются страх, уязвимость и взаимная поддержка. В логике активистского подхода этот уровень анализа важен для понимания, как субъектность добровольцев конституируется через переживаемый опыт риска, близости к военным действиям и постоянного морального выбора.

Сочетание трех методов обеспечивает триангуляцию данных: нарративы организаторов, длительное наблюдение за институционализированными форматами и «изнутри» переживаемый опыт взаимно дополняют друг друга, позволяя рассматривать добровольчество в условиях СВО не только как форму помощи или гражданской активности, но и как процесс становления и испытания гражданского субъекта в конфликтном и высоко политизированном контексте, что соответствует ключевым интенциям активистского подхода. Таким образом, методологически исследование близко к туреновской логике «социологической интервенции», где центральная задача — реконструкция смыслов, которые акторы придают своим действиям [14; 17]. Хотя в проекте не воспроизводится формальная процедура групповых сессий с участием исследователей, сохраняется ключевой принцип Турена: описание и интерпретация добровольчества строятся вокруг работы акторов по самоанализу и переопределению своих практик, а не вокруг внешне задаваемых категорий. Интервью и наблюдения — не только техники сбора данных, но и способы «социологической интервенции», поскольку исследователь стимулирует артикуляцию актором собственных смыслов и конфликтов, связанных с его участием в добровольчестве, что особенно важно в ситуации, когда оно оказывается на пересечении гуманитарных, военных и политических логик, и акторы вынуждены рефлексировать границы своего участия. Соответственно, в эмпирическом анализе рассмотрены три уровня добровольческой субъектности по Турену: идентичность («кто мы»), противник/вызов («против чего или за что боремся»), объект конфликта («что меняем»).

Идентичность добровольцев в условиях СВО. Напомним, что Турена к разработке «социологии действия» и концепции «новых социальных движений как защитников субъекта» подвел конкретный исторический опыт: переход к постиндустриальному обществу, волна протестов 1960–1970-х годов и кризис классического рабочего движения [16; 17]. Характер этих событий и возникших на их волне новых движений (студенческих, феминист-

ских, экологических, культурных и др.) свидетельствовал об иных запросах общества, нежели простое перераспределение материальных благ или экономические интересы. Речь шла прежде всего об идентичности, правах, участии и смысле жизни, что позволило новым движениям выступить от имени «субъекта» против безличных систем власти, рынка, бюрократии и коррумпированного права [17]. В отличие от прежних классовых движений, ориентированных на изменение объективных структур производства, новые движения, по Турену, боролись за «форму историчности» — за то, как будет устроена культура, идентичности, тело, сексуальность, отношения с природой и т.д., т.е. за возможность самим определять характер социальных отношений, представление о человеке и его будущем.

Нечто похожее наблюдается сегодня в российском обществе, где катализатором вскрытия латентных, подспудно тлевших запросов (частично и в элитах, и в массах) выступила СВО, поэтому можно интерпретировать добровольческие инициативы, возникшие на волне СВО, не только как инструмент «помощи» или ресурс государственной политики, но и как современную форму защиты и артикуляции субъектности в условиях «программируемого» и конфликтного общества [15]. Об этом свидетельствуют нарративы участников добровольческих организаций: отвечая на вопросы «кто мы», «против чего или за что боремся», добровольцы апеллируют — зачастую неосознанно и на протяжении всего интервью — к поиску и защите собственной субъектности, конструируя идентичность через практики солидарности и гражданской ответственности.

В терминах Турена конструкция идентичности добровольцев соответствует первому измерению социального движения: определению «кто мы» как коллективного субъекта, противостоящего не столько внешнему врагу (что предсказуемо в конфликтном контексте), сколько внутренним оппонентам — тем российским гражданам, кто не поддерживают СВО, выражают оппозиционные взгляды или игнорируют происходящее. На поверхностном уровне это может казаться включенностью в государственный патриотический дискурс (фронтовые добровольцы его действительно поддерживают), однако длительное наблюдение говорит об ином: «группа “мы” или “свой”» дистанцируется от тех, кто транслирует «программные», выхолащенные идеологемы, воспринимая в том числе и государство как не полностью «свое», если оно не отражает подлинных нужд и ожиданий фронта. Дистанцирование от государственных институтов проявлялось, например, в отказе куратора небольшой местной добровольческой группы от руководства более крупной волонтерской организацией, учредителем которой были местные органы власти. Кроме того, символические награды и поощрения от органов региональной/местной власти воспринимаются многими опрошенными скорее как формальность, обусловленная этикой публичной коммуникации, нежели как значимое признание заслуг. В то же время большой

эмоциональный отклик вызывали грамоты и поощрения, полученные от военных с фронта или, что важно в контексте изучения отношений с властью, от президента страны.

Ключевой элемент идентичности обнаруживается во втором туреновском измерении — определении «противника/вызова»: добровольцы фокусируют солидарность не на абстрактном государстве, а на участниках боевых действий (называя их в интервью «сыночки», «братья», «наши ребята»), идеализируя их и сохраняя при этом критический нейтралитет по отношению к власти. Тесное взаимодействие с военными разрушает иллюзии «программных» нарративов, обнажая реальные проблемы фронта. В результате добровольцы конструируют субъектность, близкую по своей автономии оппозиционерам (несмотря на их взаимные стереотипы: оппозиция видит в добровольцах «служителей государства», добровольцы в оппозиции — «игнорирующих своих»).

Идентичность фронтовых добровольцев представляет собой «движение защиты субъекта», где третье измерение — «объект конфликта» — заключается в изменении «формы историчности»: не поддержка институционального патриотизма, а восстановление подлинных связей солидарности со «своими» на фронте против системного отчуждения (включая государственные безличные идеологемы и равнодушие «граждан»). Это отличает нарративы добровольцев как от государственной риторики, так и от оппозиции: отличие от последней состоит не в лояльности к власти, а в этике близости к участникам СВО, где субъектность утверждается через отказ от «запрограммированных» смыслов в пользу локальных живых контактов и практик взаимоподдержки. Таким образом, формула идентичности добровольцев в условиях СВО такова: неконфронтационная дистанция от государства + солидарность с фронтом как «движение субъекта».

Возвращение «лишнего человека» и поиск субъектности. Следует сделать небольшое теоретическое отступление и обозначить предпосылки выбора объекта добровольчества в условиях СВО как объекта изучения. В 2020 году О.В. Аксенова описывала одновременно пугающие и неоднозначные тенденции в российских регионах, связанные с развитием технологической системы и все большим погружением российской действительности в процессы глобального регулирования, обезличивания профессиональной деятельности в связи с развитием технологий искусственного интеллекта, преобладанием городской среды и утратой человеком субъектности. Эти тенденции она отождествляла, во-первых, с появлением заметного числа «лишних людей» — люмпенизированной, пассивной группы, живущей на периферии, не связанной с цифровизацией и алгоритмами и не являющейся ни агентами, ни акторами социального действия [1. С. 48]. На практике это означало отсутствие ярко выраженной позиции, превращение субъекта действия в «никто», без шансов быть востребованным и сколь-нибудь зна-

чимым для системы и окружающей среды. Во-вторых, Аксенова отмечала рождение в системах власти так называемого имитатора, или имитации субъекта-функции [1. С. 50], при которой деятельность человека становится настолько бесполезной в условиях доминирующих технологий и алгоритмизации, что остается лишь имитировать свою функциональную значимость. Обе тенденции Аксенова ставила под вопрос в смысле непредсказуемости их развития — сможет ли российское общество преодолеть подобную энтропийность, связанную с утратой человеком субъектности и вектора социального действия.

В терминах Турена эти тенденции можно интерпретировать как проявление кризиса «программируемого общества», где субъект теряет способность к автономному действию под давлением системной логики власти, рынка и технологий. В этом смысле СВО создала прецедент возвращения действующего субъекта, и «лишний человек», намеренно или случайно не замечаемый системой, оказался вновь востребован. В этом проявился как вполне расчетливый, холодный утилитаризм государства по отношению к человеку, так и всколыхнувшаяся в обществе надежда на возможность проявить себя, т.е. на восстановление субъектности через коллективные практики солидарности, что соответствует туреновской трактовке новых социальных движений как «защитников субъекта» [15], что затронуло не только людей среднего возраста, но и молодые поколения. Как показало наше исследование, доброволец в условиях СВО — это не только пожилая женщина, в основном плетущая маскировочные сети, но и молодежь в возрасте 25–35 лет, приезжающая в прифронтовые города с гуманитарной помощью в свои отпуска и выходные дни, оставляя мирную жизнь, комфортный быт и удовольствие городской, зачастую столичной среды.

По сути, обнаруженный Аксеновой «лишний человек» — явление не столько территориальное, преимущественно связанное с жизнью на периферии, и не исключительно социальное, но и глубоко духовное, этическое: даже в крупных городах, при наличии вполне успешной работы и благополучной семьи, человек может оказаться и чувствовать себя лишним или лишенным жизненных смыслов. В отличие от «лишнего человека» в понимании Аксеновой (условно неинтересный и незаметный для системы), человек, лишенный смыслов, напротив, может быть востребован системой, но, не обнаруживая с ее стороны генерации подлинных смыслов, он существует в своеобразном ценностном вакууме, ведя имитационную деятельность, избегая тесного контакта с системой и отчасти прячась от нее. В этом смысле прифронтовая зона предстает своеобразным местом погружения, «ухода» во внесистемную реальность или частично связанную с ней, а добровольчество — как средство выхода из пустоты, обретения подлинной человечности, где через практики (взаимо)действия конструируется новая форма историчности и туреновская гражданская субъектность. Таким образом, СВО стала

своеобразным катализатором проявления активности еще недавно «лишних людей», с одной стороны, не замечаемых системой, а с другой — интересных системе, но не находящихся себя в ней с точки зрения генерируемых ею смыслов и ценностей. В этом смысле добровольческая помощь предстает борьбой за человека — как с точки зрения того, кто в ней нуждается, так и с точки зрения субъекта помощи, который в условиях ценностной пустоты (в терминологии Дж. Сибрука — «культуры шума», «шумящего сумбура» [7]) пытается вернуть себе достоинство и качества подлинного, а не мнимого (имитационного) субъекта действия. Примечательно, что это относится не только к добровольцам условно низового уровня, но и к кураторам добровольческих групп, координаторам региональных направлений, среди которых много людей с опытом собственного бизнеса, топ-менеджерства и т.д.

Показателен рассказ руководителя добровольческого направления, который в беседе с добровольцами делился историей своего прихода к этой деятельности на постоянной, а не эпизодической основе. Этот момент был связан с обходом разрушенных после артобстрелов домов: в одном из подъездов, где лежали трупы людей и бегали крысы, у респондентки зазвонил телефон, и робот колл-центра сообщил об акциях на парфюмерию компании «Dior». Контраст потребительской коммуникации и реальности разрушения фиксирует разрыв имитационных практик катализирующий переход к устойчивому участию в добровольческом служении. В логике активистского подхода Турена добровольчество в условиях СВО предстает как «новое социальное движение», где субъект не просто реагирует на кризис, но активно конструирует идентичность через конфликт между «культурой шума» системного потребления и практиками солидарности. Это движение борется за «форму историчности» — восстановление автономии актора в «программируемом обществе», где технологии и алгоритмы размывают субъектность, а конфликтная реальность возвращает ее через телесный и эмоциональный опыт риска и взаимоподдержки. Фронтное добровольчество становится пространством, где «лишний человек» обретает статус исторического субъекта, способного определять смыслы своей жизни и социальных отношений. При этом такие мотивы, как альтруизм, желание самореализации и пр., также присутствуют, но вторичны по отношению к поиску своей субъектности. Если говорить об объекте конфликта («что меняем») в туреновской триаде, то это прежде всего атомарность общества и отчуждение государства от человека и человека от государства, к которому есть вопросы, определенная степень недоверия и главное — ценностные противоречия — у части россиян.

В 7 из 10 проанализированных кейсов (на основе отчетов и наблюдений кураторов добровольческих направлений в прифронтовых зонах, что озвучивалось в интервью) добровольчество носит постоянный характер: участники возвращаются неоднократно, формируя устойчивые сети; приехавшие однажды для помощи пострадавшим в результате военных действий снова

и снова возвращаются, причем, как правило, пробуя себя в разных регионах и делясь полученным опытом в беседах с добровольцами. В результате возвращения добровольцев в конкретные места формируется их нарратив о нюансах служения в разных регионах, а также определенная мифологизация отдельных личностей, которые становятся легендами и героями для подражания. В случае молодых добровольцев, для которых особенно важны личностные ориентиры [9. С. 780], это ключевой фактор вовлеченности и идентификации с движением, а в условиях СВО еще и фактор обретения своего независимого пространства, места для проявления собственной, не навязанной идентичности [5. С. 170–171].

Примечательно, что по завершении добровольческой миссии и смены часто возникают тесные контакты между добровольцами, продолжающиеся личными переписками, встречами на «гражданке», дружескими связями и нередко браками. Одну из ключевых ролей в поддержании подобных контактов играют социальные сети, особенно телеграмм-каналы добровольческих групп, в случае добровольческой миссии РПЦ — организуемые форумы, конференции, встречи участников миссии и т.д. Важно, что информационное сопровождение относится не только к институциональному добровольчеству, но и активно используется руководителями частных добровольческих организаций, особенно для привлечению средств на реализацию их мероприятий и проектов. В логике Турена эти процессы иллюстрируют формирование идентичности социального движения через устойчивые сети солидарности, выходящие за рамки эпизодического участия и конструирующие коллективного актора как субъекта с собственной историчностью. Постоянное возвращение и обмен опытом фиксируют не просто индивидуальные практики, но и коллективную работу по самоопределению — через региональные нарративы и «своих» героев, что укрепляет автономию движения относительно внешних институтов.

Имея опыт включенного наблюдения в качестве участника гуманитарной миссии РПЦ, мы столкнулись с тем, что не все участники добровольческого движения от РПЦ являются верующими или церковными людьми: для кого-то религия представляет философский или историко-культурологический интерес, для кого-то — источник самопознания (например, практикующий индуист, глубоко увлеченный православием); кто-то, приезжая на служение в прифронтовые территории, находился в духовном кризисе и искал возможность заново обрести веру, понять ее подлинные смыслы; кто-то, оставаясь индифферентным к религиозным вопросам или даже испытывая к ним некоторую враждебность, искал особого напряжения жизни, угрозы ей, чтобы получить импульс к жизни и т.д. Состав добровольчества в рамках православной миссии РПЦ оказывается весьма разношерстным и разноформатным: люди встраиваются в него не по формальной или институциональной принадлеж-

ности, а главным образом по необходимости служения и доступу к пострадавшим территориям и людям. В логике активистского подхода это демонстрирует фрагментированность новых социальных движений, где идентичность конструируется не через унифицированную идеологию, а через разнообразные траектории субъективного опыта и практик солидарности, объединенных общим «противником» — системным отчуждением и ценностным вакуумом. Религиозная рамка РПЦ выступает здесь не как догматическая предпосылка, а как пространство для артикуляции субъектности, доступное даже для неверующих или инаковерующих, что подчеркивает автономию акторов в определении смысла своего участия.

Роль актора. По оценке координаторов добровольческих направлений, в исторических и прифронтовых регионах (Донецк, Славянск, Северодонецк, Курск, Белгород и др.) вид оказываемой помощи и формат добровольчества зависят не только от потребностей региона, но и от профессионального опыта координаторов и специфики их прошлой деятельности. Так, в Донецке широко развит патронаж, в том числе благодаря тому, что руководитель добровольческой миссии в регионе — сестра милосердия с большим опытом подобного служения. В Северодонецке ситуация противоположная: патронаж составляет малую часть деятельности, основной акцент делается на сборе, распределении и оказании гуманитарной помощи, что также связано с личностью координатора добровольческого направления. Отсюда и понимание миссии добровольчества как *«оказания поддержки другому в трудной для него жизненной ситуации, без распространения иждивенчества»*. В результате такого подхода среди добровольцев Северодонецка особенно развита система контроля и проверки запросов со стороны нуждающихся — так происходит распределение тех, кто действительно нуждается в помощи, кто в первую, кто во вторую очередь, кому эта помощь не нужна. В терминах Турена это работа актора — способность координаторов самостоятельно определять идентичность движения, его противника и объект конфликта, адаптируя практики к локальному контексту и профессиональному опыту. Личностный фактор координатора становится ключевым элементом конструирования региональной специфики движения, где субъектность актора проявляется через автономное определение границ и приоритетов служения.

В итоге, изучая добровольчество на исторических территориях, мы невольно сталкиваемся с ролью отдельной личности в истории — ее влиянием на ход процессов и организацию работы в конкретной местности. Каждый отдельный случай требует самостоятельного изучения и, возможно, отдельной статьи, поэтому лишь подчеркнем, что подобная разнонаправленная координация приводит к тому, что у каждого направления формируется своя специфика и свой «типичный доброволец» с характерными для него

личностными и профессиональными качествами, который начинает чаще ездить в определенный регион, испытывая расположение к конкретному куратору добровольческих групп или руководителю направления. В логике Турена это иллюстрирует локальную автономию прифронтовых добровольческих движений, где идентичность конструируется не только через общий конфликт или противоречие, но и через харизматичных акторов-лидеров, определяющих траектории коллективного действия и укрепляющих лояльность участников.

Таким образом, впервые активистский подход Турена применяется к анализу фронтового добровольчества в гибридном конфликте, выходя за рамки традиционных мотивационных моделей [11; 12; 13] или институциональных подходов. Эмпирическая глубина исследования обеспечивает триангуляцией качественных методов, фиксирующих практики субъектности — нарративы, рутины, переживания, недоступные опросам. Кроме того, региональный фокус на прифронтовых зонах выявляет вариации локальных инициатив, пока не широко освещаемых в научной литературе. Среди ограничений исследования следует отметить нюансы качественного дизайна: выборка не обеспечивает полноту картины, а отсутствие количественной проверки снижает уверенность в устойчивости выявленных паттернов, что требует в дальнейшем применения количественных методов.

Примечания

- (1) Волонтерство в России: мониторинг. 23.06.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring>.
- (2) Гражданам хватает на благотворительность. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7586542>.

Библиографический список

1. Аксенова О.В. Субъект социального действия в современном развитии России: актор, агент, никто? // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2.
2. Воронина Н.С., Башева О.А. Мотивация волонтеров, участвующих в реагировании на чрезвычайные ситуации: результаты массового опроса // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2.
3. Киенко Т.С., Певная М.В., Птицына Н.А. Практики самоорганизации и социальной активности россиян старшего возраста как расширяющие возможности («empowerment») технологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1.
4. Краснопольская И.И., Гусева П.Д., Мейс Л., Кнаан Р. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2.
5. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. № 4.
6. Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики / под науч. ред. Г.Е. Зборовского. М., 2019.
7. Сибрук Дж. Nobrow культура маркетинга, маркетинг культуры. М., 2005.

8. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.
9. Шаповалова И.С., Заводян И.С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. 2024. Т. 32. № 4.
10. Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская-Смирнова В.Н., Кононенко Р.В. Виды капиталов в поле «серебряного волонтерства» // Социологические исследования. 2024. № 3.
11. Batson C.D., Lishner D., Stocks E. The empathy-altruism hypothesis // *The Oxford Handbook of Prosocial Behavior*. Oxford University Press, 2015.
12. Clary E.G., Snyder M. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations // *Current Directions in Psychological Science*. 1999. Vol. 8. No. 5.
13. Clary E.G., Snyder M., Stukas A.A. Volunteers' motivations: Findings from a national survey // *Nonprofit and Volunteer Sector Quarterly*. 1996. Vol. 25.
14. Martell L., Stammers N. The study of solidarity and the social theory of Alain Touraine // Clark J., Diani M. (Eds.). *Alain Touraine*. Falmer, 1996.
15. Touraine A. Critique of Modernity. Basil Blackwell, 1995.
16. Touraine A. Sociologie de l'action. Paris, 1965.
17. Touraine A. The Voice and the Eye: An Analysis of Social Movements. Cambridge University Press, 1981.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-511-524

EDN: YGSXIH

Frontline volunteerism as a new form of historicity: Analysis of local practices in the logic of A. Touraine*

M.A. Podlesnaia

Institute of Sociology of FCTAS,
Bolshaya Andronievskaya St., 5–1, Moscow, 109544, Russia

(e-mail: yamap@yandex.ru)

Abstract. The article considers local volunteer practices in Russia's historical territories during the Special Military Operation (SMO). Contrary to institutional interpretations of volunteerism as an instrument of state policy or social capital, the study applies A. Touraine's activist approach, examining volunteerism as a form of new social movements in which participants acquire civil agency and historicity through a triad: identity ("who we are"), opponent ("what we are fighting against or for"), and object of conflict ("what we want to change"). Volunteerism is presented not as a response to a crisis, but as an active construction of actor autonomy in a "programmable society", where the SMO returns the "unnecessary man" the status of a historical subject, capable of defining the meaning of life through practices of solidarity, risk, and mutual support. The main research question is to what extent and by what means regional/city volunteer groups form autonomous agency under the SMO, especially in frontline zones (Severodonetsk, Donetsk, Kursk, Belgorod, Skadovsk, etc.). The study is based on methodological triangulation: 21 in-depth interviews with regional coordinators, group curators, and volunteers; three-year non-participant observation of several regional/local volunteer organizations; participant observation during the Russian Orthodox Church mission

* © M.A. Podlesnaia, 2026

The article was submitted on 22.11.2025. The article was accepted on 15.04.2026.

in Severodonetsk (October 2025). According to the data obtained, the volunteers' identity is constructed in the logic of "us/ours" against internal opponents (Russians who ignore the SMO) and through distancing from the state "programmatic ideologies"; systemic alienation is observed in the attitude towards opponent (social atomization, indifference of some Russians); and the object of the conflict is described as the restoration of a "form of historicity" through solidarity. SMO has catalyzed transformation: successful youth and managers from megacities acquire authenticity, moving from imitation to a bodily experience of risk and humaneness, overcoming the value vacuum of the "culture of noise". Solidarity practices enhance historicity: 7 out of 10 cases examined show constant return to places of volunteering, mythologization of heroes among frontline volunteers, developed networks (marriages, correspondence), regional features of the "typical" volunteer (specific personal and professional qualities).

Key words: volunteerism; special military operation (SMO); A. Touraine; actor; new social movements; frontline territories; solidarity

For citation: Podlesnaia M.A.. Frontline volunteerism as a new form of historicity: Analysis of local practices in the logic of A. Touraine. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (2): 511–524. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-511-524> EDN: YGSXIH

References

1. Aksenova O.V. Sub'ekt sotsialnogo dejstviya v sovremennom razvitii Rossii: aktor, agent, nikto? [Subject of social action in Russia's contemporary development: Actor, agent, nobody?] *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2020; 11. (In Russ.).
2. Voronina N.S., Basheva O.A. Motivatsiya volonterov, uchastvuyushchih v reagirovanii na chrezvychajnye situatsii: rezultaty massovogo oprosa [Motivation of volunteers participating in emergency response: Results of the mass survey]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2022; 13 (2). (In Russ.).
3. Kienko T.S., Pevnaya M.V., Ptitsyna N.A. Praktiki samoorganizatsii i sotsialnoj aktivnosti rossiyan starshego vozrasta kak rasshiryayushchie vozmozhnosti ("empowerment") tekhnologii [Self-organization and social activity of older Russians as empowering technologies]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye Nauki*. 2022; 1. (In Russ.).
4. Krasnopol'skaya I.I., Guseva P.D., Meis L., Knaan R. Faktory udovletvorennosti epizodicheskikh volonterov [Factors of satisfaction of occasional volunteers]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2022; 2. (In Russ.).
5. Omelchenko E.L. Nachalo molodezhnoj ery ili smert molodezhnoj kultury? "Molodost" v publichnom prostranstve sovremennosti [Beginning of the youth era or death of the youth culture? "Youth" in the contemporary public space]. *Zhurnal Issledovanij Sotsialnoj Politiki*. 2006; 4 (2). (In Russ.).
6. Pevnaya M.V. *Upravlenie volonterstvom: mezhdunarodny opyt i lokalnye praktiki* [Management of Volunteering: International Experience and Local Practices]. Ed. by G.E. Zborovsky. Moscow; 2019. (In Russ.).
7. Seabrook J. *Nobrow kultura marketinga, marketing kultury* [Nobrow: The Culture of Marketing, the Marketing of Culture]. Moscow; 2005. (In Russ.).
8. Touraine A. *Vozvrashchenie cheloveka dejstvuyushchego. Oчерk sotsiologii* [Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society]. Moscow; 1998. (In Russ.).
9. Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Molodezhnoe sotsioselfi: sotsialnye strategii regionalnoj molodezhi [Youth social selfie: Social strategies of the regional youth]. *Regionologiya*. 2024; 32 (4). (In Russ.).
10. Yarskaya-Smirnova E.R., Yarskaya-Smirnova V.N., Kononenko R.V. Vidy kapitalov v pole "serebryanogo volonterstva" [Types of capital in the field of "silver volunteering"]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 3. (In Russ.).

11. Batson C.D., Lishner D., Stocks E. The empathy-altruism hypothesis. *The Oxford Handbook of Prosocial Behavior*. Oxford University Press; 2015.
12. Clary E.G., Snyder M. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations. *Current Directions in Psychological Science*. 1999; 8 (5).
13. Clary E.G., Snyder M., Stukas A.A. Volunteers' motivations: Findings from a national survey. *Nonprofit and Volunteer Sector Quarterly*. 1996.; 25.
14. Martell L., Stammers N. The study of solidarity and the social theory of Alain Touraine. Clark J., Diani M. (Eds.). *Alain Touraine*. Falmer; 1996.
15. Touraine A. *Critique of Modernity*. Basil Blackwell; 1995.
16. Touraine A. *Sociologie de l'action*. Paris; 1965.
17. Touraine A. *The Voice and the Eye: An Analysis of Social Movements*. Cambridge University Press; 1981.